

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2022, №4, Том 13 / 2022, No 4, Vol 13 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2022.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK422.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Стрижак, У. П. Бенефактивность в японском языке как фактор снижения агентивности высказывания / У. П. Стрижак // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2022. — Т. 13. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK422.pdf>

For citation:

Strizhak U.P. Japanese beneficial structures as a factor in reducing the agentivity of the utterance. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022; 13(4): 33FLSK422. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/33FLSK422.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

Стрижак Ульяна Петровна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Академический руководитель образовательной программы «Востоковедение», доцент

Кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: ustrizhak@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Бенефактивность в японском языке как фактор снижения агентивности высказывания

Аннотация. Бенефактивность в японском языке, системно представленная в лингвистической литературе с точки зрения ее структурных особенностей, впервые анализируется в данной работе в русле авторского диссертационного исследования по японской агентивности, под которой подразумевается макросемантическая категория, во многом регламентирующая описание деятельности человека по изменению окружающего мира и определяющая функционирование многих языковых явлений. В статье рассматриваются случаи мены диатезы с перераспределением синтаксических ролей, обусловленные наличием бенефактивной и эмотивной составляющих, приводящие к перераспределению фокуса каузативной силы. На материале фрагмента параллельного русско-японского корпуса художественных произведений рассматриваются японские предикаты с бенефактивным значением с целью определить их значимость в процессах распределения агентивной нагрузки в предложении. С помощью методов количественного и качественного анализа доказываем, что такие предикаты в результате незалоговых диатетических сдвигов обеспечивают перемену рангов актантов в зависимости от лексических свойств предиката. Выраженность в формальной структуре высказывания семантики выгодоприобретения определяется как дополнительный вес, снижающий степень агентивности высказывания в целом: воздействие оказывается когнитивно маркированным субъектом, но наше внимание фокусируется не на осознанной направленности данного воздействия на человека, а на получении человеком положительных эмоций. В результате определяется бенефактивный фактор снижения агентивности японского высказывания и доказываем, что употребление бенефактивно-насыщенных предикатов повышает допустимость неодушевленного субъекта на позицию каузатора, т. к. в таких случаях частично дефокусируется каузативная семантика основного предиката с переносом смыслового акцента на благодарность. Полученные выводы вносят вклад в доказательство гипотезы о низкоагентивности японского языка и его склонности к дефокусизации агенса.

Ключевые слова: бенефактивность; агентивность; японский язык; актантно-предикатная структура; диатетический сдвиг; эмотивность; семантика благодарности; неодушевленный субъект

Введение

Бенефактивность в японском языке с точки зрения ее структурно-функциональных особенностей описана в научной литературе достаточно подробно, начиная с многочисленных работ японских лингвистов середины XX в., В.М. Алпатова [1], А.А. Холодовича [2, с. 54–91] и других работ, активно пополняющихся в последнее время исследованиями и культурологическими аспектами вежливости. В данной работе японские предикаты с бенефактивным значением будут впервые рассмотрены в русле авторского диссертационного исследования по японской агентивности, под которой подразумевается макросемантическая категория, во многом регламентирующая описание деятельности человека по изменению окружающего мира и определяющая функционирование многих языковых явлений. В общей теории лингвистики проблема агентивности изучается с середины XX в. — в работах по анализу актантной структуры высказывания Ч. Филлмора, Д. Круза, Д. Даути [3; 4, с. 12–15; 5] и др., где последовательно выделяются и систематизируются такие агентивные характеристики, как одушевленность, волитивность, контролируемость выполняемых действий и др. Японский язык в этом контексте обнаруживает тенденцию к низкотранзитивной модели описания действительности; в научном лингвистическом дискурсе это традиционно описывается на синтаксическом материале: приводятся примеры предикатоориентированности японского языка и различные способы предпочтительной элиминации участников события с целью фокусирования внимания на результате происходящего [6; 7, с. 203–208, 218–223; 8, с. 52–71 и др.]. Традиционно мену актантных ролей рассматривают в контексте залоговых преобразований, но в данной работе будут представлены результаты анализа особых свойств некоторых японских бенефактивных глаголов, которые только за счет своей семантики обуславливают изменения в аргументной структуре высказывания. Такой диатетический сдвиг продемонстрирует особенности распределения в японском высказывании агентивной нагрузки и покажет один из способов ее снижения в японском языке.

Методы исследования

Теоретическая часть работы выполнена с применением методов семантического описания, структурно-семантического анализа и контекстуального анализа. Полученные результаты были проверены на материале авторского параллельного русско-японского корпуса художественных произведений русской литературы и их переводов на японский язык, в котором задокументированы маркированные для японской когнитивной языковой нормы случаи воздействия неодушевленного субъекта на человека типа письмо его обрадовало. Выше было сказано, что такие случаи фиксируются как нарушение когнитивных представлений японцев об окружающем мире — это приводит к поиску иных вариантов представления когнитивно инородных для японского языка ситуаций. Всего в корпусе зафиксированы и синтаксически размечены 2308 примеров из 35 произведений русской художественной литературы, отобранные методом сплошной выборки, и их японские аналоги, от одного до пяти переводов на каждую исходную единицу. Общее исследование корпусного материала для определения уровня агентивности японского языка показало, что доля преобразованных высказываний со сниженной агентивностью составила 63,71 % от общего количества. Определение уровня агентивности каждого японского высказывания проводилось методом композиционного анализа, где двумя главными переменными послужили агентивность субъекта и предиката. В рамках данной работы рассмотрим те фрагменты корпуса, где обнаружилось вхождение японских предикатов с бенефактивным значением. Результаты корпусного анализа были дополнены комментариями носителей японского языка, полученными в ходе опроса трех японских информантов, (возраст от 27 до 52 лет, один мужчина и две женщины, представители научно-образовательной среды, постоянно

проживающие в России) путем предъявления им блока примеров маркированных предложений, содержащих *курэру* и *морау*, с просьбой охарактеризовать допустимость использования данных предикатов с неодушевленным субъектом, а также прояснить силу и направленность выгодоприобретения.

Диатетический сдвиг без залогового преобразования: теоретическое обоснование

В японском языке есть особая группа глаголов, которые инициируют диатетический сдвиг без залоговых преобразований и выводят агенса на относительную периферию (дативное оформление вторичным актантом *ни*) за счет выраженности в этих глагольных лексемах семы бенефактивности. Семантические свойства такого предиката требуют понижения агенса в ранге до второго актанта, а пациенса обязывают занять позицию главного актанта. К таким глаголам, понижающим ранг агенса за счет своих семантических характеристик, относят *осовару*¹ `обучаться`; *адзукару* `брать на попечение, заведовать`; *кариру* `брать в долг на время`; *морау/итадаку* в их знаменательном значении `получать`; в широком смысле некоторые японские исследователи относят к этой группе и глагольные пары типа *кау/уру* `покупать/продавать` [9, с. 40–41; 10, с. 81–83 и др.] — в отечественной литературе такие пары называют конверсивами [11; 12 и др.]. В результате такого диатетического сдвига фокусируется получатель (бенефициант), а производитель действия — агенс в исходной диатезе — смещается на синтаксическую периферию, что приводит к смещению акцента с деятеля на состояние как результат действия, например: *ватаси о осиеру* `меня обучает (кто-то)` → *ватаси ва осовару* `я обучаюсь (кем-то)` и т. д. Мена диатезы в данном случае обусловлена следующим: обязательным семантическим свойством глаголов этой группы является бенефактивная составляющая, т. е., все эти глаголы в разной степени обозначают ситуацию приобретения выгоды; а если главное в ситуации — получение выгоды, то, согласно японским языковым предпочтениям, акцент должен быть на том субъекте, кто приобретает (`я обучаюсь, получаю` и т. д.), а не на том, кто эту выгоду обеспечивает. В результате акцентируются позитивные ощущения говорящего от сложившихся в его пользу и без его участия обстоятельств, а все происходящее до момента высказывания оказывается дефокусированным в силу своей синтаксической периферийности. Получается, что действие, предшествующее результату, не столь важно, как сам результат — и это одна из возможных интерпретаций обозначенной нами выше японской языковой когнитивной нормы.

С точки зрения распределения агентивной нагрузки важно рассмотреть также и вариативность падежного оформления источника выгоды: выбор между дативным *ни* или аблативным *кара*. Здесь значимыми являются агентивные признаки вовлеченности и контроля. Дативное оформление агенса в таких случаях хоть и снижает его роль, но сохраняет близость, высокую степень контактности (в японской литературе в таких случаях используют термин *миттякусэй* `прилегаемость, спаенность`; см., например, у [9, с. 42–43]) и взаимововлеченности обоих участников. В случае дативного оформления агенса в основе лежит следующая пропозициональная установка: относительный контроль за ситуацией остается за ним; как бы говорящий ни хотел получить выгоду, решение за производителем действия (дать в долг — не дать, научить — не научить); это особо подчеркивается у Я. Сугимура: «ведущая роль в такой ситуации у партнера-выгододателя» [9, с. 44]. Поэтому выгодоприобретателю необходимо сохранять с выгододателем близость даже при языковом

¹ Все примеры из японского языка даются в принятой в отечественном японоведении поливановской транскрипции.

понижении второго в ранге, например: *Я займу у него деньги* (подтекст: *только бы он дал, решать ему*; т. к. *ни* оформляет более высокий актантный статус по сравнению с *кара*).

В иной пропозициональной ситуации, когда право решения и контроль над ситуацией за говорящим как выгодоприобретателем, сохранение близости уже не так актуально (*адзукару* ‘принимать на хранение’ — как бы ни хотел производитель действия отдать на хранение/попечение, решать говорящему; поэтому можно и не стремиться сблизиться с выгододателем) — здесь языковая норма настойчиво рекомендует использование аблативного оформления *кара*, занимающего низшую позицию в иерархии падежных показателей и демонстрирующего еще большее отдаление агенса от объекта его воздействия; примеры из [9, с. 44]: *карэ ни адзукэру/уру* ‘он даст/продаст’ → *карэ *ни/кара адзукару/кау* ‘я возьму/куплю’. В данном случае агент может лишь предлагать свои действия (*а вот не продать ли мне?*), а решение — за выгодоприобретателем (*ладно, куплю*); поэтому в такой ситуации агент оформляется актантом низшего порядка *кара*, близким по своим характеристикам к простому источнику (функция источника еще больше снижает значимость данного партиципанта: он негласно приравнивается к локативу — не более, чем к месту, где можно взять нечто или получить выгоду, ср. *ки кара тотта кадзичу* ‘снятый с дерева плод’).

Примечательно, что в указанных выше японских исследованиях иногда в таких случаях оговаривается допустимость дативного маркирования, но только при усиленном бенефактивном значении, т. е., при явно выраженном выполнении действия в интересах другого участника: варианты *карэ ни кау*, *карэ ни адзукару* ‘куплю или возьму у него’ эксплицируют обязательность нашего хорошего отношения к этому человеку (условный контекст: *так хорошо к тебе отношусь, что куплю с удовольствием*).

Помимо учета факторов вовлеченности и контроля очевидно, что оба участника должны быть одушевлены, т. к. для оказания услуги и получения выгоды необходимо обладать сознанием и способностью чувствовать. Эти же когнитивные ограничения накладываются на пару глаголов из данной группы *курэру* — *морау*, *итадаку* ‘давать — получать’ при их использовании в служебном значении: в японских конструкциях с бенефактивными вспомогательными глаголами с точки зрения японской когнитивной языковой нормы оба действующих лица (и субъект действия — бенефактор, и бенефициант) должны быть одушевлены. Этому теоретическому положению находят как подтверждения, так и частичные опровержения; в отечественной литературе — И.И. Басс подчеркивает, что неодушевленные имена или имена, обозначающие животных, «не могут осуществлять сознательное, контролируемое действие, направленное на бенефицианта» [13, с. 165]; в работах японских лингвистов описывается ограничение на употребление неодушевленного субъекта с глаголом *морау* ‘получать’, например: **амэ ни фруттэ морау* = ‘Идет дождь (это то, о чем я так просил)’ признается некорректным в [14, с. 119], т. к. дождь не может стать бенефактором в силу своей неодушевленности, как следствие — неспособности откликнуться на просьбу; то же в следующем примере: **Кё: но цуки ни одороку ходо сазвататтэ моратта* = ‘Сегодня луна светит на удивление ярко (к моему удовольствию)’ [15, с. 711].

При этом глагол *курэру* ‘давать’ обладает большей сочетаемостью с неодушевленными аргументами в силу своей принадлежности к неволевым глаголам (в отличие от *морау* ‘получать’, который является волевым и, соответственно, требует активной вовлеченности партиципантов). А. Кондо в описании японской бенефактивности особо подчеркивает: «Какие действия лежали в основе текущей ситуации <выгодополучения> — не так важно. Вполне возможно, что обстоятельства сложились случайным образом» и отмечает, что употребление *курэру* и *морау* концентрирует наше внимание на чувстве благодарности без передачи лишних деталей о том, что привело к данному результату [16, с. 94]. Таким образом, результаты действия, сопровождаемого вспомогательным глаголом *курэру*, часто классифицируются как

случайные, неожиданные, и поэтому не требующие вознаграждения. Соответственно, отсутствие агентивных признаков контроля и волитивности в силу случайности, неожиданности, ненамеренности, бескорыстности совершаемого действия обуславливают возможность допуска в качестве главного аргумента и иных, отличных от человека, субъектов (С. Идзухара включает в этот список животных, растения, механизмы, см. [15, с. 724–732]). Так, например, предложение: *Акатян га о нингё: сан ни ута о утаттэ мораттэ имас* ‘Младенец получает от куклы исполнение песни’ является лишь условно допустимым в связи с недостаточной способностью младенца осознанно ожидать от куклы каких-либо действий в свой адрес (и быть благодарной за них — оба эти критерия обязательны для аргумента глагола *мору*); при этом предложение *О нингё: сан га акатян ни ута о утаттэ курэтэ иру* = ‘Кукла поет младенцу песню’ признается полностью грамматичным: и кукла обладает условной механистической самостоятельностью для осуществления действия, и от младенца не требуется в данном случае ни ожиданий, ни благодарности. Диагностическим контекстом для проверки отсутствия агентивных критериев (намеренности, контроля, изначальной вовлеченности) и соответствующей допустимости *курэру* может служить условие «это сделано для меня»: так, предложение *Акатян га ватаси но тамэ ни кё: хадзимэтэ аруитэ курэта* = ‘Сегодня младенец сделал первые шаги для меня’ является неграмматичным, т.к. данный контекст актуализирует значение ожидания первых шагов ребенка, что вступает в противоречие с семантикой глагола *курэру*. И наоборот, выражение своего удовлетворения от происходящего в данном случае может быть обеспечено исключением целевого оборота «для меня» и, например, адвербиальным подчеркиванием семантики неожиданности случившегося: *сиавасэ на кото ни* ‘к моему счастью’, *омовадзу* ‘невольно, сам того не замечая’ и др.

А.А. Холодович обозначает неодушевленные субъекты, допускаемые на позицию главного актанта, как «некоторый круг ‘предметов’, в той или иной мере поддающийся персонификации (горе, беда, счастье и т. п.); они являются неотъемлемой частью личности как психологическое состояние (настроение, волнение, переживание и т. п.)» (цит. По [13, с. 163–164]). И.И. Басс также указывает на важность эмотивного фактора в описании ситуаций выгодоприобретения, который обуславливает когнитивно инородный для японского языка допуск неодушевленного субъекта на позицию бенефактора. Всего у И.И. Басс выделено несколько подклассов имен в функции подлежащего, не относящихся к подклассу лиц: имена, обозначающие период времени, результат интеллектуальной деятельности, черта характера, животное, планета, абстрактное нечто. Исключения, повышающие статус подобных актантов, наблюдаются при именах со значением «ментального воздействия» или именах, «указывающих на род деятельности уважаемого бенефицианта лица». Исключение для неодушевленных имен, а также животных могут также составить случаи, когда на первый план высказывания выходит не содержательный компонент обладания, донативности, волеизъявления, т. е., какого-либо сознательного воздействия на одушевленного бенефицианта, а значение позитивной эмотивности [13, с. 166; 17, с. 39–40]. Далее мы проверим изложенные выше теоретические положения на материале параллельного русско-японского корпуса художественных произведений.

Результаты корпусного исследования и обсуждение

Всего в корпусе было обнаружено 116 вхождений глагола *курэру* во вспомогательном значении бенефактивности производимого действия для адресата. Семантическое наполнение знаменательной составляющей соответствующих предикатов действительно свидетельствует о позитивной эмотивности и неожиданности оказываемого благодеяния. Так, топ-5 предикатов составили следующие глаголы: ‘утешить, успокоить’ (16 вхождений; соответствующими аргументами-бенефакторами послужили *нечаянное знакомство, удачная охота, неожиданные*

проявления нежности, внезапно показавшийся вдалеке белый халат врача, новые философские взгляды); ‘спасти’ (7 вхождений; спасают человека любовь и свидание); ‘лечить’ (5 вхождений; бенефакторами выступают известия и лечебное питание); ‘нести’ (5 вхождений; любовь уносит в мир грез (3 случая), гроза приносит изменения в судьбе, собачья доля неожиданно счастливо уносит пса от смерти); ‘греть’ (согревают человека любовь и дыхание ребенка). Рассмотрим некоторые примеры.

- (1) *Какая-то невидимая сила поддерживала ее → Миэну тикара га сасаэтэ / сидзи ситэ курэта = ‘Невидимая сила любезно поддерживала ее’.*
- (2) *Но тоска очищает → Сикаси ю:уцу га киёмэтэ курэру = ‘Но тоска любезно очищает’.*
- (3) *Любовь <...>, уносящая в мир грез → Мабороси но сэкаи э цурэтэ иттэ / идзанаттэ курэру ай = ‘Любовь, приятно уносящая / заманивающая в мир грез’.*
- (4) *Но тут судьба его выручила → Соно токи уммэи га карэ о сукуттэ курэта = ‘Тогда судьба была так добра к нему, что спасла’.*
- (5) *Одного только меня не освежит гроза → Боку дакэ га араси мо каминари мо кокоро но кумори о араито:ситэ ва курэнаи = ‘... не будет так любезна, что освежит’.*
- (6) *Сонечкино чтение, ставшее легкой формой помешательства, не оставляло ее и во сне → Сонэтика но докусё ва каруй кё:ки но ё:су о обитэ китэ нэмуттэ иру айда мо сотто ситэ оитэ курэнаку натта = ‘Чтение <...> и во сне не проявляло достаточно любезности, чтобы утихнуть’.*
- (7) *Сон не подкрепил его → Нэмури мо карэ ни тикара о атаэтэ курэнакатта = ‘Сон не был так любезен, чтобы придать ему сил’.*
- (8) *Это были мысли, которые ничего не могли решить → Нани хитоцу каикэцу ситэ курэнаи сисо: = ‘Мысли, которые не могли быть полезными и помочь разрешить ситуацию’.*

Во всех примерах акцентируется позитивное отношение бенефициантов (людей) к проявлениям неодоушевленных субъектов в роли подлежащего, а не сознательная направленность их действий в интересах бенефициантов. Японские информанты в комментариях к этим и другим примерам отмечали, что прежде всего в таких конструкциях чувствуется ощущения бенефициара в указанных ситуациях; положительные: благодарность в (1) и (2), удовольствие в (3), ощущение нечаянного счастливого спасения в (4); и отрицательные: сожаление в (5), болезненное пристрастие в (6), разочарование в (7), беспомощность от невозможности решить ситуацию в (8). Например, в (6), по мнению информантов, подчеркивается (не подтвердившаяся, но потенциально возможная) спасительность ситуации: ‘чтение могло бы быть столь любезным, чтобы не мешать человеку спать’. В примере (7) было подчеркнуто, что ощущение разочарования может быть выражено даже в виде внутреннего протеста по отношению ко сну, который не смогу обеспечить восстановление сил (при том, что контекстуальный анализ показал изначальное отсутствие такой задачи — на сон в этой ситуации не возлагалось никаких надежд, он был случаен и беспокоен, т. е., по определению не мог быть успокаивающим и придающим силы).

Показательно, что было обнаружено единственное вхождение глагола *мору* ‘получать’ — в описании метафорического диалога со смертью: *А мне бы хотелось, чтобы смерть нежно взяла меня за руку → Ясакику тэ о торарэ хиппаттэ итэ мораэтара ии то омоу* = ‘Хорошо бы, если бы я смертью нежно была взята и потянута за руку’. Контекстуальный анализ данного употребления показывает, что в данном случае в сюжете явно эксплицировано желание человека уйти из жизни, поэтому употребление *мору* можно признать грамматичным, т. к. пропозициональная установка демонстрирует наличие высказываемой далее и на формальном уровне («я бы хотела...») семы ожидания смерти и потенциальной благодарности ей за обеспечение соответствующего ухода.

Количественный анализ данного фрагмента корпуса показал, что доля преобразованных высказываний со сниженной агентивностью среди высказываний с бенефекативным предикатом составила всего 17,24 % (20 вхождений из 116) по сравнению со средним показателем по корпусу 63,71 %, что подтверждает гипотезу о допустимости неодушевленного каузатора в случае занятия им позиции главного аргумента бенефекативного предиката, но при этом также свидетельствует о тенденции японского языка к снижению агентивности даже при сохранении когнитивно инородной для японского языкового сознания исходной высокоагентивной антропоориентированной диатезы.

Заключение

Итак, в ходе исследования на материале фрагмента параллельного русско-японского корпуса художественных произведений были рассмотрены японские предикаты с бенефекативным значением с целью определить их значимость в процессах распределения агентивной нагрузки в предложении. Было показано и доказано с помощью методов количественного и качественного анализа, что такие предикаты в результате незалоговых диатетических сдвигов обеспечивают перемену рангов актантов в зависимости от лексических свойств предиката, а именно: выводят на периферию агенс, дефокусируют акциональную составляющую высказывания и позволяют неодушевленному субъекту занять главную позицию каузатора в японском предложении. В результате можно говорить о наличии бенефекативного фактора снижения агентивности. Выраженность в формальной структуре ситуации выгодоприобретения можно определить как дополнительный вес, снижающий степень агентивности высказывания в целом: воздействие оказывается когнитивно маркированным субъектом, но наше внимание фокусируется не на осознанной направленности данного воздействия на человека, а на получении человеком положительных эмоций. Было доказано, что употребление бенефекативно-насыщенных предикатов повышает допустимость неодушевленного субъекта на позицию каузатора, т. к. в таких случаях частично дефокусируется каузативная семантика основного предиката с переносом смыслового акцента на благодарность. В силу этого критерий бенефекативности в ходе исследования был признан значимым для измерения уровня агентивности, поэтому считаем возможным выделить его как дополнительный понижающий вес в расчетах агентивности японского высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке. М.: Наука, 1973. 109 с.
2. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 304 с.

3. Fillmore C. The Case for Case // *Universals in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. P. 1–88. / Филлмор К. Дело за случаем // Универсалии в лингвистической теории. Нью-Йорк: Холт, Райнхарт и Уинстон, 1968. С. 1–88.
4. Cruse D.A. Some thoughts on agentivity // *Journal of linguistics*. 1973. Vol. 9. No. 1. P. 11–23. / Круз Д.А. Некоторые мысли об агентивности // Журнал лингвистики. 1973. Том. 9. № 1. С. 11–23.
5. Dowty D. Thematic Proto-Roles and Argument Selection. *Language*, 1991. Vol. 67. No. 3. P. 547–619. / Доути Д. Тематические прото-роли и выбор аргументов. Язык, 1991. Том. 67. № 3. С. 547–619.
6. Икэгами Ё. «Суру» то «нару» но гэнгогаку (Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться»). Токио: Тайсю:кан, 2011. 304 с. (на яп. яз.).
7. Киндайти Х. Нихонго-но токусицу (Особенности японского языка). Токио: NHK books, 2007. 245 с. (на яп. яз.).
8. Кондо А. «Нихонгорасиса» но бумпо («Японская» грамматика японского языка). Токио: Кэнкю:ся, 2018. 288 с. (на яп. яз.).
9. Сугимура Я. Имэ:дзи дэ осиеру нихонго но какудзёси (Обучение падежным показателям японского языка с помощью визуальных образов) // *Studies in language and culture*. Nagoya University. 2005, 27(1). С. 39–55. (на яп. яз.).
10. Асадзума Э., Головина К. “Осиеру/осовару” “учить/учиться” но нитиро тайсё: кара миеру ВЕ-гэнго но тадо:сэй (Переходность в "ВЕ-языках" на примере контрастивного сравнения глаголов "oshieru/osowaru" и "учить/учиться" в японском и русском языках) // Гэнгогаку ни окэру корокэ:сён — росиаго то нихонго. Хо:коку ронсю:. Сб. докладов. Июкогама, Университет Канагава, 2019. С. 81–91. (на яп. яз.).
11. Апресян Ю.Д. Каузативы или конверсивы? // Типология. Грамматика. Семантика. К 65-летию В.С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. 350 с.
12. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 797 с.
13. Басс И.И. Бенефактивные конструкции в японском языке // Вестник РУДН, серия «Лингвистика», 2014. № 2. С. 159–168.
14. Ямада Т. Нихонго но сикуми (Устройство японского языка). Токио: Хакусуйся, 2009. 144 с. (на яп. яз.).
15. Идзухара С. Нихонго руйги хё:гэн цукаивакэ дзитэн (Словарь правильного употребления синонимичных выражений японского языка). Токио: Кэнкю:ся, 2010. 1185 с. (на яп. Яз.).
16. Икэгами Ё. и др. Сидзэн на нихонго о осиеру тамэ ни нинти гэнгогаку о фумаэтэ (Когнитивная лингвистика как основа обучения естественному японскому языку). Токио: Хицудзи, 2009. 227 с. (на яп. яз.).
17. Басс И.И. Бенефактивные конструкции -тэ/-дэ кудасару и -тэ/-дэ курэру в современном японском языке // Япония: мир-традиция-перемены. Вопросы японоведения, № 6. СПб.: Изд-во ЛЕМА, 2016. С. 28–44.

Strizhak Uliana Petrovna

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

E-mail: ustrizhak@hse.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4129-4485>

Japanese beneficial structures as a factor in reducing the agentivity of the utterance

Abstract. Beneficial structures in Japanese, systematically presented in the linguistic discourse in terms of its structural features, in this paper is analyzed for the first time in terms of author's dissertation thesis on Japanese agentivity in the context of the agentivity theory, where agentivity presents as a macro semantic category representing human's activity for surrounding's change and determining the functioning of many linguistic phenomena. This article deals with cases of diathesis alternation with a redistribution of syntactic roles, due to the benefactive and emotive semantic components included, leading to a redistribution of the focus of causative force. On the material of a fragment of a parallel Russian-Japanese corpus of works of fiction, Japanese predicates with a beneficial meaning are considered in order to determine their significance in the processes of distributing the agentive load in a sentence. By the methods of quantitative and qualitative analysis it is proved that these predicates provide a change in the ranks of actants depending on their lexical properties, demonstrating the non-voice diathesis shift. Beneficial semantics, represented in the formal structure, could be defined as an additional weight to reduce the degree of agency of the phrase as a whole: even though the causal impact considered to be a cognitively marked subject, attention is focused not on the conscious causal impact on the human, but on receiving positive emotions. As a result, the beneficial factor of reducing the agentivity in Japanese is determined. It is proved that the use of beneficially significant predicates increases the allowability of an inanimate subject as a causator, since the causative semantics of the main predicate is partially defocused with the semantic emphasis shifted to gratitude. These results contribute to the hypothesis that Japanese is the low-agentive language aiming agent-defocusing.

Keywords: beneficial structures; agentivity; Japanese language; actant-predicate structure; diathetic alternation; emotiveness; gratitude semantics; inanimate subject